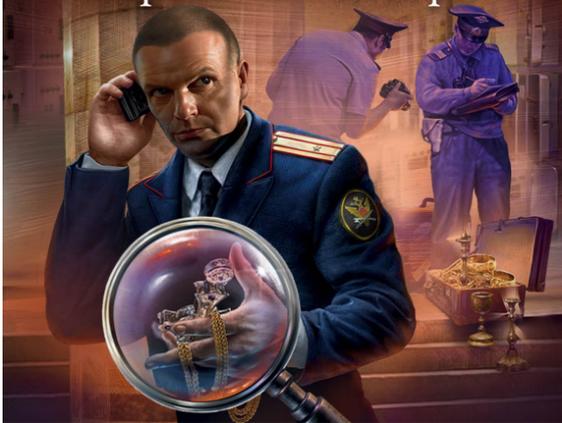

ИМПЕРСКИЙ СЫСК

От Евгения *Сухова*

Академия
воровского дозора

Воровской эндшпиль

Евгений Сухов

Академия воровского дозора

«ЭКСМО»

2015

Сухов Е. Е.

Академия воровского дозора / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2015 — (Воровской эндшпиль)

ISBN 978-5-457-81532-2

Столь дерзкого преступления не могли припомнить даже бывалые сотрудники Московского уголовного розыска! Группа взломщиков умудрилась проникнуть в оружейную комнату полицейской академии и вынести оттуда огромное количество оружия. Криминальная ситуация в городе грозила выйти из-под контроля. Следователь Арсений Хабаков, которому было поручено дело о хищении, внезапно пришел к ошеломляющему выводу: происшествие в полицейской академии тесно связано с недавним таинственным исчезновением бесценных картин частного коллекционера Потапа Феоктистова. Следы оружия и старинных полотен обнаружили сначала в Лондоне, а затем и в Греции. Они привели к столь одиозной личности, рядом с которой не рискнул бы находиться ни один здравомыслящий человек...

ISBN 978-5-457-81532-2

© Сухов Е. Е., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Евгений Сухов

Академия воровского дозора

© Сухов Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Прекрасные нимфы, или У тебя три дня

Свою службу в полиции инспектор Таукис Дестунис начинал с муниципального подразделения на Крите, где курировал экологический профиль. Но едва ли не вся работа сводилась к тому, чтобы штрафовать владельцев ресторанов и кафе, сбрасывающих пищевые отходы на морской берег, и напоминать о том, чтобы не забывали убирать территорию вокруг своих заведений. Так что служба была необременительной, и большую часть рабочего времени он откровенно скучал. Хотелось как-то сменить сферу профессиональной деятельности, но случая не представлялось. Одно время Таукис даже подумывал о том, чтобы уйти из полиции и заняться туристическим бизнесом, процветавшим в последние годы, но неожиданно его, выделив среди многих кандидатов, перевели в Афины в отдел по борьбе с преступлениями в сфере искусства и антиквариата.

И вот прошло уже пятнадцать лет, как Таукис Дестунис стоял на страже греческого искусства, искренне полагая, что даже пылившийся на дороге камень является национальным достоянием.

В последние годы в Греции с памятниками культуры и истории ситуация складывалась просто катастрофическая: дело не только в том, что едва ли не каждый турист стремился отковырнуть кусок камня от античных памятников, а еще и в том, что большая часть предметов древности перекочевала на прилавки базаров, где пронырливые торговцы в открытую продавали предметы минойской и эгейской цивилизаций. Значительные хлопоты доставляли преступные группировки, специализировавшиеся на предметах искусства: грабили музеи, похищали наиболее значимые экспонаты культурного наследия. Особенно досаждали выходцы из Македонии – албанцы и цыгане.

Буквально пару дней назад в Ираклионе был арестован преступник, в багажнике у которого обнаружили древнегреческие украшения почти на восемьсот тысяч евро. В результате следствия было установлено, что большая часть драгоценностей украдена из музея истории в Солониках. Особенно ценной была золотая булава, которую преступник спрятал в складках одежды. Как выяснилось позже экспертами, она оказалась шедевром эллинистической культуры. А в блоке цифровой памяти фотоаппарата содержалась информация еще о двух сотнях изделий из золота, серебра, мрамора, относящихся к древнеэллинской цивилизации и подпадавших под закон о защите древностей и культурного наследия. Все эти предметы следовало отыскать.

Так что в сеть угодила весьма крупная рыба.

Неделей ранее на черном рынке была выставлена на продажу античная статуя молодой девушки приблизительно шестисотого года до нашей эры всего-то за каких-то триста тысяч евро! Причем контрабандисты оказались настолько изобретательны, что прятали статую в загоне для овец. Настоящую ее стоимость удалось оценить только после того, как поверхность тщательно отмыли от налипшего навоза.

Позавчера был ограблен собор в Солониках, поставленный на сигнализацию. Злоумышленники пролезли в храм через распахнутую форточку и вытащили митры, принадлежавшие святым Дмитрию Солунскому и Георгию Паламе. Присутствие преступников обнаружилось в тот самый момент, когда они перелезали обратно и упавшая митра активировала звуковые датчики. Грабителям удалось все-таки скрыться, но Таукис Дестунис был глубоко убежден, что действовала одна из преступных группировок, орудовавшая в последние годы на Балканах. Вряд ли на такое кощунство отважился бы кто-то из местных жите-

лей – религия никогда не была предметом грабежа и торга среди греков, даже сейчас, когда страна практически находилась за чертой бедности.

В последнее время особенно активизировались контрабандисты. В сферу их интереса чаще всего попадали предметы искусства, переправляемые в Западную Европу, где за ними шла самая настоящая охота – даже за самые незначительные вещи отдавали большие деньги. Последние два года Таукис Дестунис курировал именно международное направление. Причем в контрабанде участвовали не этнические греки, а понтийцы, чаще всего иммигранты из России и близлежащих стран. Активные, предприимчивые, хватавшиеся практически за любую работу, понтийцы быстро потеснили эллинцев. Если дело будет так обстоять и дальше, то вскоре коренному населению не останется ничего другого, как подметать улицы.

Имелась еще одна большая проблема.

Активно действовали международные контрабандные синдикаты, воспринимающие Грецию всего лишь как трансфер произведений искусства, одну из своих перевалочных баз на пути в Западную Европу и в Америку. В Афины караванами шла контрабанда из Грузии, Турции, из Балканских стран, чтобы потом по морю разъехаться по всем странам мира.

Одним из виднейших международных контрабандистов был выходец из Грузии, известный под именем Нестор Олкimos. О его профессиональной деятельности полиция знала давно, едва ли не с того самого дня, когда он впервые ступил на берег Эллады, но прямых оснований для его задержания пока что не имелось. В Греции Олкimos владел крупной компанией по продаже антиквариата, вел благочестивый (во всяком случае внешне) образ жизни, был вполне состоятельным гражданином и нередко появлялся на экранах телевизоров. Выглядел он весьма респектабельно, понемногу меценатствовал: выделял деньги на реставрацию памятников, отстраивал церкви, организовывал бесплатные обеды для неимущих, построил богадельню для бродяг. И, как мог, скрывал главное свое ремесло – крупномасштабную международную контрабанду.

Возможно, греческая полиция занялась бы Олкimosом всерьез, но он не совершал главных глупостей: не торговал предметами культа и не вывозил предметы древнегреческого искусства из страны. А на все остальные преступления греческая полиция взидала сквозь пальцы, тем более что за последние годы среди высших чинов он приобрел немало влиятельных приятелей, с которыми весело проводил время на шикарной яхте (как поговаривали осведомители, всегда в окружении прекрасного пола, что льнут к состоятельным и сильным мужчинам, как осы на дармовой мед).

Однако в этот раз ситуация для Нестора Олкимоса значительно осложнилась – в дело вмешался Интерпол, неожиданно заинтересовавшийся его криминальной деятельностью. Причем запрос был отправлен не простой почтой, которую при желании мог вскрыть даже сосед по кабинету, а со специальным порученцем из секретного отдела Интерпола.

В последние годы Таукис Дестунис совмещал две должности: входил в подразделение Интерпола и возглавлял отдел искусства и антиквариата Греции. В какой-то степени он являлся координатором между двумя ведомствами, а потому был вправе не сообщать о содержимом письма, тем более что существовала реальная вероятность утечки информации.

В запросе требовали установить все возможные связи Нестора Олкимоса, а также каналы, по которым из Греции уходят контрабандные произведения искусства. В сопроводительном письме сообщалось, что Олкimos причастен к ограблению русского коллекционера Феоктистова, чьи полотна и графические миниатюры, только по самым скромным подсчетам, оцениваются в сто миллионов долларов. И это не считая других вещей, таких как старинное оружие и гобелены ручной работы.

В заключительной части письма комиссар Интерпола настоятельно рекомендовал сотрудничать с российскими полицейскими и предоставить им полную информацию по Нестору Олкимосу.

В этот же день Таукис Дестунис встретился на конспиративной квартире со своим осведомителем Антонисом, седым старичком лет семидесяти пяти, проживавшим вблизи особняка Нестора Олкимоса, и поинтересовался:

– Чем сейчас занимается Олкимос?

– Уж точно не камни ворочает где-нибудь в каменоломне... – весело усмехнувшись, ответил старик. – Хе-хе! Утром искупался в бассейне, потом пообедал на террасе, поглядывая на море, затем отъехал по каким-то своим делам, вернулся часа через два. Вечером к нему пришли два его старинных приятеля, и он уехал с ними на яхте. Мне бы так жить! – вновь захихикал он.

Антонис, несмотря на возраст, имел очень хорошую память, кроме того, был невероятно наблюдательным человеком, и то, что иной не мог разглядеть даже на расстоянии вытянутой руки, он подмечал с противоположной стороны улицы. Впрочем, это было немудрено – Антонис целыми днями сидел в небольшом летнем ресторане, размещавшемся как раз напротив виллы Нестора Олкимоса, держа в одной руке сигарету, а в другой чашку кофе. Со стороны могло показаться, что он один из тех старичков-бездельников, коими в любое время суток забиты все питейные заведения. Но в действительности все было не так, к своим обязанностям Антонис относился весьма серьезно, и небольшой ресторанчик был его главным наблюдательным пунктом. Поглощая кофе литрами, он фиксировал каждое движение Нестера Олкимоса, следил за тем, что делается перед воротами: кто к нему приезжает, надолго ли задерживаются гости и когда хозяин дома покидает свою крепость.

Получалась весьма занятная картина, ведь круг знакомых Олкимоса был невероятно широк. Многими делами он предпочитал заниматься лично, невзирая на огромное количество прислуги. Так, например, сам отбирал для обеденного стола рыбу, которую торговцы приносили в его дом едва ли не ежедневно. Нестор Олкимос находился в дружеских отношениях с начальником полиции, к нему в обеденное время нередко заявлялся даже мэр. Распожившись на просторной светлой террасе, они распивали холодное белое вино.

Следовало отдать должное обаянию понтийского грека – Нестор умел нравиться и располагал к себе с первого взгляда. Даже для самого серьезного человека он всегда отыскивал подходящие слова, заставляя его расплываться в довольной улыбке. Количество его любовниц не поддавалось подсчету, но ни с одной из них отношения не были продолжительными. При расставании женщины не держали на него обиду: помимо утешительных слов, Олкимос дарил им щедрые подарки, в значительной степени компенсировавшие потерю любовника.

– Хорошо. Продолжай наблюдать дальше, – сказал Таукис и, когда старик ушел, забрав предложенное вознаграждение, вышел на лоджию, с которой открывался великолепный вид на темно-синее море. Сам он проживал в небольшом загородном доме, где поблизости росла чахлая оливковая рощица да пробивалась через камни обожженная зноем трава, и в конспиративную квартиру приходил для того, чтобы отдохнуть душой. Нередко заявлялся сюда в обществе женщины, так что на его долю тоже перепадала толика счастья...

Прозвеневший звонок вывел его из состояния задумчивости. Номер был не определен. Странно.

– Слушаю.

– Это говорит майор Хабаков из России... из Следственного комитета, – услышал он английскую речь с заметным славянским акцентом.

– Так... – недоуменно протянул инспектор. – Неожиданно.

– Это инспектор греческой полиции Дестунис?

– Он самый, – ответил Таукис также по-английски.

– Ваш телефонный номер мне передали служащие Интерпола. Надеюсь, вы не обиделись?

– Нисколько. Все по долгу службы. Мне было рекомендовано сотрудничать с вами. У вас есть ко мне какие-то вопросы?

– Да, кое-что я хотел бы уточнить... В Германию к господину Шрайберу из Греции было отправлено три факса.

– Да, я в курсе этого расследования. Интерпол прислал мне копию дела... Так что вы хотели узнать?

– Именно по этим адресам находится Нестор Олкимос?

– Все так... Первые два факса он отправил из своего офиса, а третий из дома. – Инспектор невольно повернулся к окну, сквозь которое просматривалась вилла Олкимоса с высокой крышей, выкрашенная в ярко-синий цвет и выглядевшая настоящим Геркулесом среди карликов. – Вам прислать эти адреса?

– Не нужно. Мы их знаем, просто хотел удостовериться, что он не поменял своего местожительства и никуда не уехал.

– Мы наблюдаем за ним практически круглосуточно. Не видно, чтобы он собирался куда-то съезжать.

– Что ж, это очень хорошо, будем надеяться, что он ни о чем не догадывается. По оперативной информации нам известно, что в настоящее время Олкимос планирует переправить из России в Грецию вторую часть коллекции Феоктистова. Им определены даже места, где его люди будут складировать предметы искусства. Вы не могли бы узнать, где находятся эти тайники?

– Задача не из легких. Олкимос человек очень осторожный, каждый его шаг продуман, у него куча всевозможных доброхотов и осведомителей, приглядывающих за полицией. Но мы попробуем что-нибудь придумать... Как вы полагаете, когда именно должна произойти переброска коллекции через границу?

– Думаю, где-то через неделю.

– Я попробую придумать что-нибудь за это время. Кстати, у вас хороший английский.

– Спасибо, а вы говорите практически без акцента.

Отключив телефон, Таукис Дестунис устроился на диване и закурил сигарету. Затем, раскрыв папку, вытащил из нее несколько фотографий и принялся их рассматривать. Камерами видеонаблюдения был заснят момент ограбления банка «Европа», совершенный четыре дня назад. Трое преступников в пуленепробиваемых жилетах, в длинных черных париках и с большими солнцезащитными очками на размалеванных краской лицах ворвались в помещение банка и, пригрозив оружием кассиру, выгребли из сейфа всю наличность.

По заверению кассира, в сейфе хранилось четыреста двадцать тысяч евро (весьма неплохая выручка на троих за пять минут работы). Сложив деньги в мешок, они скрылись в минивэне. Городская полиция, немедленно поднятая по тревоге, вернулась ни с чем, а на следующий день неподалеку от Велестино нашли сожженный автомобиль, на котором, видимо, и скрылись преступники.

В этом ограблении была некоторая странность: один из злоумышленников, выбегавший последним, сорвал с шеи одного из клиентов золотую антикварную панагию, предположительно XV века. Надо признать, что, несмотря на свою антикварную стоимость, она мало чем отличалась от «новоделов», которыми в последние годы были завалены все ювелирные магазины и рынки. Отличить настоящий шедевр стоимостью в сто тысяч евро от современного изделия способен был только человек, разбирающийся в древнегреческом искусстве. Причем рядом с пострадавшим стоял еще один клиент банка, у которого на шее висела килограммовая цепь с массивным крестом, но преступник даже не обратил на него внимание.

На записи камеры видеонаблюдения отчетливо можно было разглядеть, что, проходя мимо перепуганных клиентов, он будто бы споткнулся, усмотрев на шее у одного из них панагию, а потом резким рывком сорвал цепочку. На какое-то мгновение грабитель всмотрелся в панагию, будто хотел удостовериться, стоит ли она потраченных усилий, – даже через темные очки можно было рассмотреть в глазах преступника мелькнувшее счастье, – после чего он сунул ее в карман и заторопился за остальными.

Весьма любопытная личность... Нечасто можно увидеть заурядного грабителя, разбирающегося в древнегреческом искусстве. Небрежно собрав фотоснимки в стопку, Дестунис положил их в раскрытую папку. Включив запись ограбления, инспектор кадр за кадром принялся изучать лицо преступника, все более укрепляясь в своем подозрении. Потом, выбрав наиболее удачную фотографию, он убрал с лица преступника очки, укоротил длинные волосы, подрисовал предполагаемые глаза и попытался сопоставить полученный портрет с фотографиями, находящимися в базе данных. Через секунду компьютер дал результат: фоторобот более всего походил на Григориуса Попадуса, известного в прошлом коллекционера антиквариата. Наложенный портрет окрасился в зеленый цвет (за исключением области макушки и висков), что означало весьма большое сходство. Вот только глаза были оранжевыми, но это неудивительно, ведь их пришлось рисовать от руки. А что, если попробовать поставить фотороботу глаза Попадуса? Щелкнув несколько раз мышкой, Дестунис установил глаза, и тотчас компьютер выдал результат – схожесть двух снимков составляла теперь девяносто шесть процентов.

Инспектор устало откинулся на спинку кресла и наградил себя за труд глубокой затыжкой. Слегка задержал горьковатый дымок в легких, ощущая, как он горячит кровь и разбегается по альвеолам, а затем выдохнул тонкую струйку под самый потолок. Половина дела была исполнена, оставалась самая деликатная часть – вербовка. Вот здесь важно было не оплошать.

Таукис Дестунис был знаком с Григориусом Попадусом без малого десять лет. Точнее, с его отцом, некогда занимавшимся скупкой краденых ценностей, большую часть которых составляли предметы культа. К своему ремеслу он приучил и старшего сына, весьма хорошо разбирающегося в предметах старины.

Старший Попадус вел себя весьма осторожно. Имел дело только с проверенной клиентурой, а наиболее ценные артефакты продавал иностранцам, гонявшимся за греческой стариной, которых всегда было много на Балканском полуострове. Возможно, Попадус и сейчас бы по-тихому продавал свои вещи, не особенно дразня криминальными действиями местную полицию, если бы однажды не позарился на кресты Национального музея. Дестунису удалось его арестовать именно в тот момент, когда Попадус-отец расплачивался за товар. В обмен на более мягкое наказание он признался, что является заказчиком ограбления, поведал и о человеке, которому должен был перепродать украденные кресты. А так как все предметы остались в Греции и вскоре вернулись на свои прежние места, то Попадус-отец действительно отделался сравнительно небольшим сроком.

Правда, в этом деле имелась одна небольшая деталь. Одним из участников ограбления был его сын, указавший взломщикам, какие именно витрины следует взломать, и работавший на тот момент в Национальном музее смотрителем. Но за решетку Григориус не попал, так как его свобода была частью сделки с правосудием.

Инспектор Дестунис не терял Григориуса из вида, зная, что тот не оставит преступное ремесло: наступит время, когда ему придется напомнить о прежних прегрешениях и о том, что именно он сдал своих подельников, продолжавших отбывать срок (бедняги так и не узнали об истинной роли Григориуса Попадуса). И, кажется, этот час наступил. За последние годы Григориус сделал в криминальных структурах весьма неплохую карьеру,

вот только любовь к предметам культа не прошла, и он продолжал скупать кресты, панагии, порфиры и прочие предметы, если представлялся удобный случай.

Именно такой случай улыбнулся ему в банке, когда он просто сорвал с шеи одного из клиентов понравившуюся панагию.

Своей догадкой Дестунис делиться не стал, в конце концов, его отдел не занимается ограблениями, а сам он может иметь только частное мнение относительно предполагаемого преступника. Если ограбление банка действительно дело рук Григориуса, то он может заполучить весьма ценного информатора, который входит в ближайшее окружение международного контрабандиста Нестора Олкимоса. А там, кто его знает, может, с его помощью удастся раскрыть и всю преступную сеть.

Взяв телефон, инспектор быстро набрал нужный номер.

– Слушаю, – послышался глуховатый и, как ему показалось, недружелюбный голос.

– Узнаешь? – хмыкнул Дестунис.

– Послушай, как там тебя, у меня нет времени, чтобы играть с тобой в угадалки. Если у тебя есть ко мне дело, так говори, если нет, так отваливай.

– Вижу, что ты стал взрослым мальчиком. Похвально. Только напряги-ка свою короткую память и вспомни своего крестного.

На некоторое время в трубке повисла гнетущая тишина.

– Э-э, кажется, я узнаю ваш голос, господин инспектор, – заискивающе произнес наконец Григориус.

– Вот и славно, а то я думал, что у тебя все мозги отшибло. Когда отец выходит?

– На следующий год.

– Позовите меня на праздник, когда он освободится. Я его посадил, я же должен и встретить.

– Э-э... конечно, позовем. Как же без вас!

– Не напрягайся, я пошутил... Ха-ха! Тут вот какое дело, нужно встретиться.

– Когда?

– Сейчас.

– Сейчас не могу, у меня...

– Послушай, Григориус, не нужно никаких объяснений. Бросай всех своих баб, или с кем ты там сейчас сидишь, и торопись ко мне, пока я на тебя не обиделся. Или, может, мне самому к тебе прийти?

– Не надо, – глухо ответил Григориус. – Я уже выхожу.

– Встречаемся в парке Глифада. Там попрохладнее будет, а то сегодня жара просто невыносимая, аж мозги плавятся!

Еще через полчаса Таукис Дестунис прибыл в означенное место. На лавке, спрятавшись под густое лавровое дерево, сидел Попадус и поглядывал по сторонам, пытаясь угадать направление, откуда должен подойти инспектор. Пальцы нервно теребили зажималку. За прошедшие полгода, с момента их последней встречи, он значительно изменился. От прежней худосочности не осталось и следа: раздобрел, обрюзг, через белую рубашку выпирал наметившейся живот. Даже шевелюра, прежде густая и черная, как сапожная щетка, пообтерлась и слежалась, а на коротко стриженных висках неровным рядком пробивались седые волосы.

Видно, прошедшие месяцы были не самыми радужными в его жизни.

Увидев подошедшего инспектора, Григориус слепил нечто похожее на улыбку, но в глазах явно прочитывалась настороженность, опаска. Нечто подобное можно заметить у кота, не знающего, как следует расценивать приподнявшуюся хозяйскую ладонь: то ли спихнет со стула, то ли ласково погладит по загривку.

От встречи с полицейским ждать добра не приходилось, и весь вопрос заключался в том, насколько серьезной будет порка.

– Ты изменился, – заметил Дестунис после приветствия.
– Вы находите? – удивился Григориус.
– Заматерел, что ли...
– Скорее всего, прибавил в весе, – похлопал тот себя по животу. – Однажды приходит время, когда начинаешь понимать, что настоящее счастье – это застолье с друзьями.

– Возможно, ты и прав, – согласился инспектор.

Осмотревшись, Попадус произнес:

– Надеюсь, разговор не затянется, мне бы не хотелось, чтобы меня кто-то увидел с полицейским.

– Разговор будет недолгим, – пообещал Дестунис. – И потом, мало ли какие знакомые у тебя могут быть. Давай отойдем вон к той скале, – показал он на небольшой утес, находившийся в пятидесяти метрах и подавляющий своим величием каменные нагромождения.

На плоской вершине разрослись жестколистые колючие кустарники, бросавшие скудную тень к подножию. Но ветер, дувший с моря, приятно охлаждал разгоряченное лицо и давал, пусть ненадолго, иллюзию наступившего покоя.

Темно-коричневая базальтовая скала выглядела обжитой и ухоженной, большими ступенями к самому берегу спускались аккуратные белые дома, и невольно создавалось впечатление, что можно взобраться на самую вершину по этой гигантской лестнице. Во внутренних двориках домов росли апельсиновые и лимонные деревья, ровной гладью поблескивали небольшие бассейны. Под крутым берегом, из которого колючими караваями выпирали плиты известняка, на беспокойных волнах колыхались катера и небольшие яхты.

А немного поодаль, явно дистанцируясь от неброской флотилии, над голубой морской поверхностью возвышалась белоснежная яхта с высокими бортами. По сравнению с прочими суденышками она выглядела настоящим лайнером.

– Ты знаешь, чья эта яхта? – неожиданно спросил Дестунис.

– Конечно, как же не знать... Она здесь единственная такая.

– И чья же?

– Господина Нестора Олкимоса.

– Он так богат?

– Один из богатейших людей на всем побережье.

– Наверняка ты часто бываешь в его доме, ведь ты же его личный шофер.

Григориус слегка нахмурился. Разговор принимал неприятный оборот.

– Приходится... Работа!

– Я хотел спросить: как твой отец?

– С ним все в порядке, я у него был на прошлой неделе. Ему не терпится покататься в море.

– Это хорошо... Когда он вернется, наверняка опять займется антиквариатом.

– Возможно, – пожал плечами Григориус. – Это наш семейный бизнес.

– Значит, скоро оставишь службу у Олкимоса и вступишь в семейный бизнес?

– Я не смотрю так далеко, господин инспектор. Работа шофера меня пока вполне устраивает.

Скудная тень от разросшихся кустарников падала на лицо Григориуса, не давая возможности рассмотреть его глаза.

– Ты не забыл о том, что кое-чем мне обязан?

– Не забыл... – покачал головой Григориус. – Если у вас больше нет ко мне вопросов, так я пойду. Время, знаете ли... Хозяин не любит, когда я опаздываю!

Таукис Дестунис неодобрительно покачал головой:

– Вижу, ты не хочешь меня понять, тогда придется поговорить по-другому. – Вытащив фотографию, он протянул ее Григориусу: – Узнаешь этого человека? В парике и в солнечных очках?

– Понятия не имею, – пытаюсь сохранять самообладание, ответил Григориус.

– А вот голосок-то у тебя малость дрогнул... Могу тебе подсказать, что это за человек. Я тут посидел немного за компьютером, убрал с его головы всю эту богатую прическу, солнечные очки. И знаешь, что получилось? Желаете взглянуть? – протянул инспектор вторую фотографию. Едва посмотрев на снимок, Григориус тут же вернул его обратно. – Этот человек очень напоминает тебя. Если бы я не был знаком с тобой лично и не знал, что ты очень законопослушный гражданин, то подумал бы, что ты один из грабителей банка. Кто еще с тобой был? Метрас и Колумбет? Твои школьные приятели? Ты с ними по-прежнему дружишь?

– Фотография ни о чем не говорит. Это просто классный фотешоп! Поздравляю вас, господин инспектор!

– Не нервничай. Я не занимаюсь расследованием ограбления банков, ты это знаешь... Я возглавляю отдел по борьбе в сфере искусства. Ограблениями занимаются совершенно другие люди. Более жесткие, совсем не симпатичные и не такие разговорчивые, как я... Они не станут с тобой долго церемониться, у них в достатке других средств, чтобы развязать язык такому парню, как ты. Но это еще не все... О твоих похождениях может узнать Нестор, а он не любит, когда его люди промышляют на стороне и тем самым подставляют под удар его и его бизнес. Даже трудно предположить, кто тебя суровее накажет – полиция или Нестор.

Таукис Дестунис посмотрел на красивую белую яхту и разглядел на палубе две небольшие изящные фигурки. Господин Олкимос не любит отдыхать в одиночестве, у него весьма утонченный вкус, эти грации сопровождают его последние полтора месяца повсюду, подумал он. Интересно, жена подозревает о его забавах? Похоже, он и не думает скрывать от нее свои слабости. А может, у них имеется некоторая негласная договоренность, по которой ей позволительно тоже иметь некоторые сердечные секреты. Благо, что на побережье всегда в избытке мускулистых парней, которые будут не прочь поразвлечь стареющую, но весьма состоятельную даму за умеренное вознаграждение.

Солнце припекало. Тень скукожилась до величины ладошки, намереваясь и вовсе раствориться среди солнечного света, и Таукис Дестунис отошел под небольшой платан, пробивавшийся сквозь каменистый утес. Своими размерами и чахлой кроной растение значительно уступало деревьям, разросшимся в низине, где почва была сдобрена слоем перегноя. Здесь же одни только камни и серая известковая пыль, запрятавшаяся между трещинами, а потому корни у такого ствола длинные и сильные, борющиеся за крохи воды. Несмотря на внешнюю убогость, такие растения куда крепче и выносливее тех, что произрастают вблизи водоемов. Вряд ли отыщется сила, способная сквырнуть корневую систему, ввешуюся в трещины скальной твердыни. И если дереву суждено погибнуть, так только от старости, когда многочисленные недуги разобьют дряхлеющую кору, а обветшавшие корни уже не в силах будут доставлять скудную воду до чахлых крон. А потому платан рос экономно, медленно, приберегал силы на долгие годы и не спешил показывать губительному солнцу наполненный соками лист. Тень от такого платана скупа, как от колючего кустарника, коих на скалистой поверхности достаточно.

– Хорошо, – сдался наконец Григориус, – чего вы от меня хотите?

– Ты знаешь, чем занимается твой босс?

– Наслышан, – сдержанно ответил Попадус.

– Прекрасно... В ближайшие дни к нему должна прибыть крупная партия контрабандного антиквариата. Я должен знать, где именно он спрячет товар.

– Хм... Где гарантия, что вы не сдадите меня криминальной полиции, как только получите нужную информацию?

– Торгуешься? Это хорошо. Если бы ты согласился сразу, у меня появились бы сомнения в твоей искренности. Скажу вот что, мне это просто невыгодно. Зачем терять столь ценного осведомителя? Я даже больше тебе скажу: если каким-то образом тебя заподозрят в ограблении банка, я сделаю все возможное, чтобы вывести тебя из-под удара. Тебя устраивает такой ответ?

– Я слышал, что вам можно доверять.

– Ты все правильно слышал. Сделаешь свое дело, и проваливай на все четыре стороны! Теперь твое слово.

– Я попробую узнать. Хотя это будет очень непросто, Олкимос никому не доверяет.

– Мне нужны конкретные сроки.

– Постараюсь через неделю.

– Это долго... Даю тебе три дня! В противном случае твоя помощь мне будет не нужна.

– Как вы себе это представляете? Я подойду к нему и спрошу: «Господин Олкимос, а где вы хотите спрятать свою контрабанду?» Так, что ли?

– Не хочу тебе советовать, как ты это сделаешь, – хмыкнул инспектор. – Сроки мы с тобой уже обговорили, так что расходимся. Я позвоню тебе через три дня. Если узнаешь раньше, дашь мне знать!

Попадус заторопился по каменистой тропе к парку, заросшему платанами. Кажется, ему не терпелось оказаться в тени. Постояв немного и поглазев на огромную яхту, стоящую на якоре у входа в бухту, Дестунис медленно пошел к своей машине. Хотелось оказаться не на древнем каменном утесе, едва ли не до белизны обожженном солнцем, а на небольшой яхте в плену у прекрасных нимф.

Григориус Попадус плюхнулся на водительское кресло и, включив кондиционер, заколесил к дому Олкимоса. В шесть часов вечера он обязан был отвезти шефа в ресторан «Афродита» – небольшое прохладное местечко на самом берегу моря, где он нередко выпивал со своими приятелями.

Подъехав к дому, Григориус увидел хозяина, спускавшегося с террасы по длинной лестнице. Олкимос выглядел слегка встревоженным.

– В ресторан сегодня не поедем... Сделаешь вот что, возьмешь вот эту машину, – показал он на белый «Гелендваген», стоявший в углу двора, – и прокатишься до порта. Ты меня хорошо понимаешь?

– Да, господин Олкимос.

– Что-то ты сегодня какой-то другой, как будто где-то витаешь... С тобой все в порядке? Ты о чем все время думаешь?

– Просто немного припекло... Устал. Жара!

– Ладно, бывает... Береги себя, мне скоро понадобится твоя помощь. В моем окружении не так много людей, на которых я мог бы положиться.

– Можете располагать мною всецело, господин Олкимос.

– Это хорошо... – одобрительно кивнул Нестор. – Господина Силидиса знаешь? Я с ним нередко обедал здесь на террасе, – ткнул он пальцем в большую пальму, широко разросшуюся на краю террасы.

– Конечно, он служит на таможне.

– Все так. Перед самым портом стоит небольшой частный дом, рядом с ним произрастает лимонная рощица. Знаешь?

– Да, мне приходилось там бывать.

– Подъедешь к этому дому и скажешь, что приехал от меня. Силидис даст тебе восемь небольших ящичков, загрузишь их и отвезешь по адресу: Гелиолиса, семнадцать. Вот тебе ключ от этого дома. Запомнил?

– Запомнил, – взял Попадус ключ. – А может, мне поехать на старой машине, если коробки небольшие? Улицы узкие, там трудно будет разворачиваться.

– В городе знают эту машину, так что никто из полицейских не остановит. Зачем нам неоправданный риск? – ответил Олкимос. Прозвеневший телефонный звонок прервал беседу. – Слушаю, – включил он телефон. – Первая часть уже получена... Ты должен подъехать и сам все отобрать... Тогда можно поговорить о второй партии, а остановиться лучше всего в гостинице «Амелия». Вот и хорошо... – Отключив телефон, Нестор повернулся к Григориусу, продолжавшему стоять: – Ну, чего стоишь? Поезжай!

Петляя по узким неровным улочкам, выложенным серым булыжником, Попадус покатил в сторону морского порта. Узкие дороги, проложенные еще несколько столетий назад и рассчитанные на телеги, едва вмещали широкий «Мерседес». Пару раз ситуация становилась весьма критической, и он был всего лишь в паре сантиметров от вероятности ободрать белоснежные бока автомобиля о выступающие камни. Но, слава богу, обошлось! К месту назначения Григориус подъехал с изрядно потрепанными нервами и промокнутой от напряжения рубахой.

Хозяин дома, дородный мужчина лет сорока пяти, стоял у двери и, задумчиво покуривая, наблюдал за его непростыми маневрами.

– Думал, кузов поцарапаешь, – проронил он равнодушно, – там на повороте балка из стены торчит. А ты – молодец, выбрался... Заезжай во двор, не здесь же грузиться.

Открыв ворота, Силидис пропустил вовнутрь автомобиль и, махнув рукой, заставил его остановиться в центре двора.

– Чего стоишь? – прикрикнул он на Попадуса, застывшего подле машины. – Помогай грузить, или ты думаешь, что я за тебя корячиться стану?

Под навесом лежали какие-то громоздкие коробки, прикрытые легким выцветшим брезентом. Подхватив одну из них, таможенник поднес ее к распахнутому багажнику и аккуратно положил. Григориус тоже подхватил коробку, оказавшуюся неожиданно легкой, и установил ее в глубине просторного багажника.

– А что в них находится? – невинно поинтересовался он. – Не такие уж тяжелые, а большие.

– Послушай, парень, не знаю, как там тебя зовут, но ты бы поменьше спрашивал, если не хочешь без языка остаться. Тебе все понятно?

– Да, – ответил Григориус.

– А теперь хватай следующую поклажу и неси ее в машину. Да побыстрее, а то мне еще на службу нужно успеть.

Загрузив коробки в багажник, Григориус сел за руль. Машина, будто бы волоча за собой неприязненный взгляд таможенника, тронулась тяжело. Толстые покрышки на неровно выложенных булыжниках отыгрывали какую-то рваную мелодию.

Только отъехав достаточно далеко, Попадус задышал наконец свободно.

На следующий день Григориус Попадус позвонил инспектору Дестунису и отрапортовал, что есть тема для встречи. Условились встретиться за городом, на заброшенном карьере.

Прежде с этого места добывали щебенку, весьма нужный материал для строительства дорог, но теперь позабытый, всеми брошенный карьер предстал несколькими неровными котлованами с обсыпавшимися краями, вокруг которого бугрилась и продавливалась поверхность. Здесь велись подземные выработки. Карьер закрыли сразу после того, как груженный щебнем самосвал, проломив тонкую кровлю, упал с тридцатиметровой высоты. Водитель с пассажиром погибли сразу. Сейчас на карьере можно было увидеть только немногих

людей, падких на дармовой щебень: его загружали в легковые автомобили, а наиболее рискованные подъезжали даже на грузовиках, хотя такая езда больше напоминала передвижение по минному полю – не было никакой гарантии, что машина не провалится через пару десятков метров.

Дестунис подъехал в точно назначенное время, унылым взглядом обвел изрытый ландшафт, сквозь который мужественно пробивались чахлые колючие кусты можжевельника. Такой пейзаж мог бы вызвать уныние, если бы не кусочек синего искрящегося на солнце моря, что просматривался в расщелине скалы.

Увидев подошедшего Попадуса, инспектор произнес:

– Послушай, Григориус, ты почему такое место выбрал? Может, хочешь меня здесь стукнуть кирпичом по темечку и спрятать где-нибудь в одной из этих пещер? Так вот, сразу хочу тебя предупредить, ничего из твоей затеи не выйдет. О том, что я нахожусь здесь, знает очень много людей.

– Вы неправильно меня поняли, господин инспектор, – обиженным тоном протянул Попадус. – Если я на что-то и способен, так это стащить то, что плохо лежит. А «мокруха»... это не мое, – отрицательно покачал он головой.

– Интересное замечание, значит, сумму в четыреста тысяч евро, лежащую в сейфе банка, ты называешь плохо лежащей, так, что ли? Ну-ну... Чего скривился? Это я так... Считай, неудачная шутка. Ладно, что там у тебя? Выкладывай!

– Я узнал, где сгружен контрабандный груз.

– Похвально. Каким образом?

– Вчера я лично перевозил его по адресу: Гелиолиса, семнадцать. Еще я слышал, как господин Олкimos разговаривал с кем-то по телефону.

– О чем они говорили?

– О второй партии товара, но для этого собеседник должен приехать в Грецию и сам отобрать. Тогда они подвезут.

– Он его как-нибудь называл?

– Нет. Олкimos рекомендовал ему гостиницу, в которой тот должен остановиться.

– Что за гостиница?

– «Амелия».

– Неплохая гостиница, пустынная, – понимающе кивнул инспектор. – Все постояльцы на виду. Предусмотрел! Как будут перевозить товар?

– На яхте Олкимоса. Они всегда так делают.

– А ты молодец, не ожидал. Приятно иметь дело с толковым агентом.

– Господин инспектор, – взволнованно заговорил Попадус, – вы сказали, что больше не будете меня привлекать...

– Не напрягайся, – с усмешкой отозвался Дестунис, – пошутил я... Обращаться не буду... По пустякам! Но уж если все-таки меня припрет, не обессудь, просто вынужден буду. Да не сверли меня так своими глазенками. А может, все-таки хочешь меня грохнуть? – дружески поинтересовался он и уже сурово предупредил: – Не советую!

– Господин инспектор...

– Хорошо, пойдем отсюда. Лучшего места для убийства, чем этот карьер, трудно придумать. Уверен: если тут основательно покопаться, можно отыскать немало людей, пропавших без вести.

Поднялись вместе на косогор, откуда открывался великолепный вид на море. Немного поодаль, выбрав местом для якоря середину моря, возвышалась яхта господина Олкимоса. Эдакий ориентир, видимый с любой точки побережья. Постояли, поглазели на величественную красоту и, коротко обменявшись впечатлениями от увиденного, зашагали к своим машинам.

День складывался на редкость удачно. Этого Олкимоса следовало ловить с поличным, так, чтобы не отвертелся. Нужно не ошибиться и выбрать время, когда его каюты будут забиты контрабандным товаром.

Уже пятнадцать лет Таукис Дестунис вел негласную войну с Олкимосом. За это время тот из простого курьера сумел дорасти до одного из крупнейших организаторов контрабандного бизнеса. И сейчас инспектор осознавал, что момент, когда он нацепит на его запястья наручники, очень близок.

Осталось только согласовать действия с российскими коллегами.

Глава 2

Надежный информатор, или Скверные новости

Майор Хабаков внимательно перечитал полученное из Афин сообщение. Инспектор Таукис Дестунис довольно подробно написал о проделанной работе. Как выяснилось, Олкимос уже давно находился под наблюдением греческой полиции и был известен как удачливый контрабандист, имеющий серьезные связи в Германии. Но веских доказательств его незаконной деятельности не обнаруживалось, а потому он был бы рад сотрудничеству с российской стороной, чтобы припереть Нестора Олкимоса к стенке.

В конце письма инспектор добавил, что в последнее время на европейском рынке появились предметы русского искусства, не исключено, что некоторые из них принадлежат господину Феоктистову.

Сложив полученные факсы в папку, Хабаков вышел из управления. Уже забравшись в машину, достал телефон:

- Дмитрий Евгеньевич, у меня для вас есть интересное сообщение.
- Я сейчас занят... Насколько серьезно?
- Есть кое-что по поводу коллекции Феоктистова.
- Подъезжай, жду. Пропуск я на тебя выпишу.

Сунув телефон в карман, Хабаков повернул ключ зажигания и выехал на проезжую часть.

Ознакомившись с факсами, подполковник Старцев внимательно посмотрел на Хабакова:

- Весьма полезные документы... У тебя есть какие-то предложения?
- Ну-у, как вам сказать, – невольно замялся Арсений. – Я не имею права вам советовать... Нужно установить каналы, по которым пойдет груз в Грецию.
- Спасибо за совет. Разберемся, – хмыкнул в ответ подполковник.

После ухода Хабакова он подошел к карте. У контрабандистов пути отлажены, одними и теми же дорогами они пользуются долгие годы. Как правило, люди на этих тропах прикормлены, начиная от таможенного контроля и заканчивая пограничниками. Кроме того, южная граница – это не ряды непрерывной колючей проволоки в шесть метров высотой, а труднопроходимые места: высокие горы, ущелья, быстрые реки. Но для местного жителя – это дом родной! Ведь в бедных горных районах контрабанда зачастую едва ли не единственный источник дохода.

Много коридоров проходит в районе грузинской границы, откуда легче добраться до Турции, а там едва ли не прямая дорога до Греции.

Свою службу подполковник Старцев начинал в Сочи, откуда был переведен в Москву со значительным повышением. Новое назначение он связывал с тем, что в минувшие годы раскрыл американскую агентурную сеть, весьма активизировавшуюся в последние годы в Краснодарском крае. Зачастую агенты действовали едва ли не в открытую и, прикрываясь дипломатическим иммунитетом, вербовали высших руководителей края. С точки зрения вражеских агентов, работа на границе являлась весьма перспективной, горные хребты, разделяющие государства, – всего лишь условная линия, и в случае расшатывания ситуации через подконтрольные пограничные участки можно доставлять различные грузы, включая оружие.

Вместе с выявлением и вербовкой агентов Старцев не мог обойти такую важную сторону своей деятельности, как контрабанда, здесь он также преуспел. За шесть лет, проведен-

ных в сочинском управлении, сумел завербовать в информаторы немало контрабандистов, весьма продвинувшихся по карьерной лестнице за время его отсутствия. А некоторые из них и вовсе отвечали за «окна на границе» и организовывали транспортировку контрабандного груза.

Переехав в Москву, Дмитрий Евгеньевич наиболее ценных агентов перевел в категорию «законсервированных», считая, что когда-нибудь их услуги могут ему понадобиться, и не ошибся – сейчас наступил тот самый день.

– Вот что, Павел, закажи мне один билет на Сочи... – подняв трубку, произнес он.

– Когда вам, товарищ подполковник?

– Давай на сегодня.

За время его отсутствия в Сочи произошли серьезные изменения: город будто бы снял с себя старую кожу, превратившись из жалкой Царевны-лягушки в настоящую невесту-красавицу.

После гостиницы, где он принял душ и плотно пообедал, Старцев отправился в управление. Прежние приятели, с которыми Дмитрий Евгеньевич продолжал держать связь, заметно подросли в чинах, а прежний начальник отдела, Кирилл Васильевич Назаров, всего-то на пяток лет старше, перебрался в кресло начальника управления.

Вот с него-то подполковник и начал, зная, что тот не откажет в небольшой просьбе.

– Можно? – постучался Дмитрий Старцев в кабинет генерал-майора.

– Входи, чего мнешься, – шагнул навстречу бывший соратник. – Мне уже доложили, что ты прибыл.

– Разведка у вас работает хорошо.

– А то как же! Растим кадры. Ты вот, например, теперь в Москве. Слышал, что скоро полковника получишь... Чего не сказал, что приезжаешь? Выслал бы машину.

– Решил добратсья сам.

– А ты возмужал.

Назаров выглядел так, как и подобает генералу. Был в меру худошав и не в меру плечист, с прямой осанкой и, несмотря на свой небольшой рост, держался так, словно поглядывал на людей с колокольни. К новой привычке бывшего начальника Старцев отнесся с пониманием – что подделаешь, звание и должность обязывают.

– Присаживайся, – разместился генерал за переговорным столом, показав на место рядом с собой. – Коньячку налить? Элитный... На день рождения подарили. Берег для настоящего повода, вот он и наступил.

– Не откажусь.

Генерал достал из шкафа коньяк и две небольшие стопки. Аккуратно, опасаясь обронить хотя бы каплю, заполнил их до самой риски.

– А вот и закуска, – поставил он на стол вазочку, наполненную шоколадными конфетами. – Ты уж извини, о твоём приезде не знал, так что не готовился. Хотя закусывать ими самое то...

– Ещё сегодня утром не знал, что прилечу. Но вот так получилось...

– А это и неплохо! Давай за твой приезд, что ли?

– Хороший тост, – улыбнулся Старцев.

Выпили. Развернув по конфете, сосредоточенно заели напиток.

– Ну, рассказывай, что там у тебя?

– Слышал что-нибудь о коллекционере Феокистове?

– Которого ограбили с месяц назад? Конечно, наслышан. Об этом все центральные газеты писали. Говорят, у него украли картин на сто миллионов долларов. Впечатляющая цифра!

– Скажу откровенно, если коллекцию продавать по рыночной цене, то будет гораздо больше, – заметил Старцев.

– Даже так? – удивился генерал-майор.

– Небольшая часть коллекции отыскалась в Германии. А вот другая, самая ценная, находится сейчас в России. И у нас есть предположение, что ее будут переправлять именно через твою территорию.

– Вот даже как... Значит, ты опять контрабандистами занимаешься?

– По долгу службы пришлось.

– Я тебе где-то по-хорошему завидую. Сейчас я больше по террористам специализируюсь. Удивляюсь, откуда они повылезали! Ведь совсем недавно все спокойно было. – Генерал-майор Назаров слегка размяк, было похоже, что он не прочь поговорить со старым приятелем и вспомнить время, когда оба были молодыми, исполненными самых честолюбивых планов. – Вот сейчас ищем одну террористку-смертницу, подготовку она проходила не где-нибудь, а в Бельгии, и вот вернулась в бандподполье... Знаем, кто она такая, как выглядит, а вот отыскать ее никак не можем... У нас тут через неделю международные спортивные соревнования будут проходить, народу приедет много, со всего мира, и есть большая вероятность, что она объявится именно на них.

– Внешне никак не определить, они ведь не всегда в хиджабах ходят.

– В том-то все и дело. Среди них есть немало смазливых девчонок, выглядят вполне современно: встанут на высокие каблукки, наденут коротенькую юбку и, помахивая сумкой, в толпу идут. Вот только в этой сумке не косметика лежит, а взрывчатка. Знаешь, недавно одна такая хотела меня взорвать.

– Я слышал. Правда, без подробностей.

– Значит, не зря служу. Ладно, не будем о грустном. С неделю назад решил вспомнить старые времена, покурировал операцию по задержанию группы контрабандистов. Знаешь, как я себя чувствовал?

– Поделись.

– Будто бы на прогулку вышел свежим воздухом подышать. Понимаешь, к примеру, я – хирург-кардиолог, делаю людям сложнейшие операции на сердце, напряжение и ответственность запредельные! И тут мне предоставляется возможность вырезать банальнейший аппендицит. Вырезал я его, и от этого такое огромное удовольствие получил, что ты даже представить себе не можешь! Теперь я контрабанду сигарет вспоминаю с улыбкой. Ребятче баловство! Если сейчас идет контрабанда, так непременно оружие! И даже не всегда стрелковое, очень часто гранатометы, «Мухи», «Стингеры». Вот в такие беспокойные времена мы живем.

– Мир в последнее время сильно изменился, злым каким-то стал... И даже не поймешь, в чем тут причина.

– Это так... А помнишь, в начале нашей службы мы с тобой участвовали в операции по предотвращению переброски через границу крупной партии героина?

– Это ты про тот случай, когда героин перево-зился в пластиковых трубах? – улыбнулся Старцев.

– Точно! Помнишь! Не забыл.

– Только я тогда был лейтенантом, едва начал службу, а ты уже должен был капитана получить...

– Неважно! – великодушно отмахнулся генерал. – Помнишь, когда мы заглянули в одну трубу, там змеи лежали во всю длину.

– Это были питоны.

– Может, и питоны, но выглядели они пре-ужасно, и это тоже была контрабанда, – неожиданно посуровел генерал, – какие-то редчайшие виды, занесенные в Красную книгу.

– Я тогда еще подумал, хорошо, что не тарантулы какие-нибудь. А то разбежались бы по территории, ищи их потом.

– А денег полный фургон припоминаешь?

– А то как же! Я такого количества денег ни до, ни после не встречал. Как вспомнишь, так всякий раз сглотнуть хочется.

– Так в чем твоя просьба? – резко сменил тему генерал.

– Ты моего информатора Хацкевича знаешь?

– Того, что с плавками?

– Его, – с улыбкой ответил Старцев. В какой-то степени Илья Хацкевич был личностью легендарной, потомственный контрабандист. А попался он после того, как хотел провезти в трусах пачки долларов. В дело вмешалась ФСБ, и его удалось завербовать. Старцев работал с ним до своего отъезда в Москву. Последняя их встреча состоялась на конспиративной квартире, где он объяснил Хацкевичу, что сотрудничество с его отъездом не прерывается, а лишь вступает в стадию консервации. Так что наступило самое время возобновить отношения. – Как у него там дела?

– За последние годы сильно продвинулся. Мы его не трогали, как ты и просил... Просто немного присматривали за ним. Думали, что еще пригодится со временем, и вот, видишь, не ошиблись. Теперь он один из руководителей международной контрабанды.

– Карьера неплохая.

– Можно сказать, что в своем деле дорос до генерала.

– Кажется, он отвечает за транзит через Грузию и Турцию?

– Да. Оттуда контрабанда идет через Балканский полуостров и расходится по всей Европе.

– Я в нем не ошибся, у него был большой потенциал, – усмехнулся подполковник. – У тебя есть связь с грузинскими пограничниками?

– У нас общие границы, поэтому как же без нее? Или ты думаешь, если мы в последнее время не очень дружим, так совсем, что ли, не общаемся?

– Нет, не думаю... Имеется информация, что в ближайшее время через российско-грузинскую границу будет отправлена коллекция Феоктистова. Нужно сообщить грузинским пограничникам, чтобы они не перехватили ее ненароком, а просто понаблюдали за контрабандистами издалека.

– Ситуация немного щекотливая. Все-таки разговор предстоит с пограничниками соседнего государства. Нужно письменное распоряжение из центра.

– Не сомневайся, такую бумагу ты получишь в самые ближайшие часы. Как думаешь, со стороны Грузии не будет никаких препон?

– Думаю, что они помогут. Задачи у нас общие. Главное, чтобы утечка не произошла.

– Не мешает предупредить грузинскую сторону, что операция имеет высшую степень секретности.

– Сообщи. Ну так как, продолжим? Как тебе коньячок?

– Извини, сейчас надо завершить еще одно дело. Командировка очень короткая. Я тебе позвоню, – поднялся Старцев.

– Тогда до встречи.

Выйдя из управления, подполковник Старцев набрал телефонный номер Хацкевича. Свойство человеческой памяти: столько лет прошло, столько событий приключилось (важных и не очень), многие эпизоды жизни и вовсе затерты пластами времени, будто их не было вовсе, а вот номер ценного информатора, с которым и общался-то нечасто, помнил, как собственный год рождения.

Прозвучали длинные гудки, на которые никто не отвечал. Дмитрий Евгеньевич невольно принялся считать: один, два, три... «За прошедшее время Хацкевич стал настолько осторожен, что трубку при звонках неизвестных абонентов не берет?» – подумалось ему.

Но уже в следующую секунду гудки прервались, и холодный голос произнес:

– Слушаю.

– Илья? – спросил подполковник.

– Он самый. Кто это?

– Это тебя Старцев беспокоит.

– Дмитрий Евгеньевич?

– Все так. Вижу, ты меня не забыл. Это хорошо! Наверняка за это время, что мы с тобой не виделись, у тебя набралось очень много новостей, хотелось бы их услышать. Так когда мы с тобой встретимся? Вот только не надо мне говорить, что ты не в городе и находишься где-то у черта на рогах!

– Даже не собираюсь, Дмитрий Евгеньевич, – обиделся Хацкевич. – Если бы даже я находился где-то за десять часовых поясов от вас, все равно непременно бы приехал на встречу с вами.

– Ценю... Сделаем вот что, ресторан «Сирень» помнишь?

– А то как же! Последний раз мы с вами встречались именно в этом ресторане.

– Предлагаю не нарушать установившейся традиции и встретиться там, скажем, сегодня часов в восемь вечера.

– Хорошо, Дмитрий Евгеньевич, подъеду вовремя. Только теперь это не «Сирень», а «Лаванда».

– «Лаванда», говоришь... Что ж, пускай будет «Лаванда», вполне подходящее название.

Подполковник Старцев пришел в ресторан за несколько минут до встречи, сел лицом к двери за свободный столик у самого окна, за которым рос какой-то широколиственный куст.

Как выяснилось, ресторан «Лаванда» слыл весьма уважаемым заведением. Изменения в заведении произошли значительные, вплоть до лаванды, запахом которой тянуло из всех щелей. Этот запах Старцев не выносил, но на время встречи придется с ним смириться. За столами, накрытыми белыми праздничными скатертями, сидела изысканно одетая публика, и в какой-то момент, одетый весьма по-простому, он ощутил себя инородным телом.

Заказав бутылку водки и закуску, Дмитрий Евгеньевич стал дожидаться Хацкевича. Тот пришел вовремя, не опоздав ни на минуту.

Дружески обнялись, а потом запили впечатление от встречи рюмкой водки, закусили кусочками осетрины. Со стороны они выглядели хорошими приятелями, решившими в ресторанной роскоши и в приятном общении испить водочки. Вряд ли кто-нибудь из посетителей мог подозревать, что на самом деле происходит встреча куратора со своим информатором, что после установления доброжелательной обстановки Хацкевич даже не почувствует своего подневольного положения и снятие информации произойдет в форме непринужденной беседы старых приятелей, истосковавшихся по доброму общению.

– Я слышал, что твои дела идут в гору, – сказал подполковник таким тоном, словно всерьез радовался успехам своего приятеля. Словно речь шла не о международной контрабанде в миллионы долларов, а о приватизации газовой трубы.

– Есть такое дело... Мне стали доверять, – сдержанно ответил Хацкевич.

– Я даже слышал, что стали доверять гораздо больше, чем другим.

Всего-то небольшой комплимент, чтобы завоевать расположение, и Илья Хацкевич попался. Слабые натуры податливы на откровенную лесть. Прием старый, используется едва ли не со времен Адама, но действует практически безотказно.

Подбородок информатора слегка приподнялся, преисполненный собственной значимостью, и он негромко, даже как-то торжественно проговорил:

– Надо просто быть хорошим парнем, и тогда люди будут тебе доверять.

– Ты хороший парень, – легко согласился Старцев. – Мы с тобой всегда прекрасно ладили, уверен, что договоримся и сейчас. Ты пей водочку-то... конец рабочего дня, можно и расслабиться. – Хацкевич опрокинул рюмку одним махом. – У меня к тебе будет вот какое дело: ты что-нибудь слышал о коллекции Феоктистова?

– Это кто такой? – по-деловому спросил информатор, аккуратно подцепив на вилку кусок семги. – Художник, что ли, какой-то?

– Нет, это крупный коллекционер, собирает старинные картины, антиквариат. Весьма состоятельный человек!

– Фамилия какая-то знакомая, но вот где ее слышал, не припомню.

Подошедший официант прервал завязавшийся разговор. Складывая пустые тарелки на поднос, он заинтересованно любопытствовал:

– Господа, может, вам еще что-нибудь принести?

– Вот что, человек, – по-хозяйски произнес Хацкевич, – наполни-ка этот графинчик, а то он у нас уже опустел. Соляночки принеси... И еще пусть приготовят отбивной свининки с картошкой, и петрушку чтобы не забыли положить. – Он посмотрел на Старцева: – Дмитрий Евгеньевич, вы не возражаете?

– Думаю, в самый раз будет.

– Отбивная наше фирменное блюдо. А еще у нас есть фаршированная утка с...

– Неси, братец, все неси! Ты даже не представляешь, какой человек в ваше заведение заглянул. Так что попробуй ему угодить!

– С превеликим удовольствием, – произнес официант и тотчас удалился.

– Так на чем мы остановились? – повернулся Илья к подполковнику.

– Я спросил про Феоктистова.

– Ах да! Что-то такое слышал краешком уха, но кто он такой, сказать не могу.

– Илья, давай поговорим с тобой начистоту... Ты ведь контролируешь границу в районе Сухуми и Батуми? Только не надо извиваться тут, как уж под вилами, не забывай, с кем имеешь дело, я о тебе знаю больше, чем ты думаешь.

В этот момент подошел официант и, разложив на столе горячие блюда и пожелав приятного аппетита, ушел.

– Возможно, – выдавил из себя Хацкевич, отрезал небольшой кусок мяса и, положив его в рот, принялся тщательно пережевывать.

Старцев отметил, что с последней их встречи Илья изменился не только внешне (постарел, ссутулился), поменялись его характер и манеры, он выглядел сдержаннее и значимее, а вилок и ножом орудовал так проворно, будто родился прямо за ресторанным столиком. Помнится, прежде он поспешно закидывал ложкой пищу в рот, словно опасался, что еду у него могут отобрать.

– Но сейчас другие времена, – отодвинув от себя тарелку и вытерев салфеткой испачканные губы, добавил Хацкевич. – И окружение у меня другое. А потом, вы ведь здесь гость. Уже давно не работаете.

– А вот это ты напрасно, я по-прежнему в системе. И у меня большие возможности...

– Дмитрий Евгеньевич, – сдавленно сглотнул Хацкевич, – я не так выразился.

– Бывает, – снисходительно усмехнулся подполковник Старцев. – Я тебе хочу сделать небольшое предложение. Мы и дальше будем закрывать глаза на некоторые твои шалости...

на границе. Разумеется, в разумных пределах. Можешь и дальше переправлять свои консервы, табак, кофе. Как говорится, все, кроме оружия. Но только в том случае, если ты подскажешь, когда и через какие пункты будет переправляться оставшаяся часть коллекции Феоктистова.

– Предложение вполне дельное, Дмитрий Евгеньевич, – удовлетворенно качнул головой Хацкевич. – У вас есть фотографии предметов, что должны быть переправлены?

– Взгляни, – вытащил из кармана пиджака пачку фотографий Старцев.

Разложив фотографии на столе, Илья принялся внимательно их рассматривать. Его гибкие чувствительные губы то вдруг поднимались, отчего лицо приобретало обиженное выражение, а то слегка расходились в понимающей улыбке, наталкиваясь взглядом на настоящий шедевр. Дважды он покивал головой в знак наивысшего одобрения. Наконец, просмотрев все снимки, отложил четыре из них в сторону, остальные уложил обратно в конверт и вынес свой вердикт:

– Этот Феоктистов весьма состоятельный человек.

– Во всяком случае, был таковым до последнего времени, пока у него не украли коллекцию.

– Такое случается... Фотографии этих картин, – приподнял Илья четыре фотографии, – мне приходилось встречать. Ими занимаются весьма серьезные люди.

– Случайных людей в этом бизнесе не бывает. Это картины Сандро Боттичелли и Джорджо Вазари. Такие не каждому доверят.

– Возможно. Их действительно в ближайшее время доставят в Сочи. А отсюда они отправятся в сторону Сухуми и Батуми и по сухому пути через деревню Вале.

– Можешь сказать, кто отвечает за этот транш?

– Честно?

– Хотелось бы, – усмехнулся Старцев.

– Вы все равно узнаете, так пусть лучше от меня, чем от кого-то другого, – махнул рукой Хацкевич. – Не хочу разрушать доверие, что установилось между нами. За транш через морскую границу отвечаю я. – И он твердо посмотрел в глаза Старцеву.

– Ты меня не удивил, – хмыкнул тот. – Я вот все думал, сам сознаешься или мне все-таки кое о чем напомнить. А кто курирует наземный путь?

– Гогишвили.

– Это Сосо Батумский, что ли?

– Он самый, – охотно подтвердил Илья, уминая картошку, – деловой разговор совершенно не отразился на его аппетите.

– Кажется, он был в «шестерках» у Старого Боджия.

– Все так... Но это было давно. Сейчас он вырос и сам имеет свору «шестерок».

– Кто из твоих должен вывозить груз из России?

– Дмитрий Евгеньевич, вы меня прямо за горло берете, а мне ведь кусок мяса еще проглотить нужно. – Заметив, что подполковник при этих словах нахмурился, Илья поспешно добавил: – Это Серега Шустов и Паша Черненко.

– Серега Шустов... Это Меченый, что ли? – вспомнил Старцев коренастого жизнерадостного парня с большой родинкой на правой щеке.

– Он самый.

– Паша Черненко, что-то знакомое... У него «погоняло» Дрозд? – спросил подполковник, припоминая худощавого и весьма нескладного брюнета.

– У вас поразительная память, Дмитрий Евгеньевич, – сказал Хацкевич, разрезая ножом отбивную. – Вы когда их успели запомнить? Кажется, один раз только и видели.

– Верно... Это было, когда вы пытались провезти целый грузовик контрабандных сигарет.

- Хм, припоминаю, давненько это было.
 - Кто еще с ними будет?
 - Пехота, четыре человека... Но это так... Они даже не знают, что в сумках. Груз будет оформлен как обычная почта. Незачем привлекать внимание.
 - Тоже верно. Куда поместишь груз?
 - На один военный склад. Договоренность с вояками уже имеется.
 - Они знают, что будут охранять?
 - В такие дела их не посвящают. Им заплатили хорошо, и они в чужие дела не лезут.
 - Когда заберете?
 - А вот здесь немного сложнее. От турок придет сигнал, и, как только все будет готово, загружаемся на катер и выезжаем в море. Там нас уже будет ждать яхта.
 - Знаешь, что это за яхта?
 - Мне много знать не положено, у каждого своя задача, – пожал плечами Илья. – Все знает только тот, кто организовал это дело. Я могу лишь догадываться...
 - Твои предположения?
 - Не исключено, что это яхта самого Нестора Олкимоса. Он нередко приезжает на своей яхте к нам на побережье. Здесь его все знают. У него в городе полно друзей, приятелей. Уверен, что таможня и «погранцы» с этого дела тоже получают какой-то свой процент. А потом, нет смысла привлекать другого человека, лучше опираться на старые проверенные кадры, всегда знаешь, что от них можно ожидать. А новый... неизвестно, как он поведет себя, когда к нему подъедет патрульный катер.
 - Кто будет работать с Сосо Батумским?
 - Не знаю. Он мне ничего не рассказывал, но могу предположить, что это его батумские ребята – Вася Челадзе и Алекс Ломидзе.
 - Будем держать связь. Кстати, как тебе их фирменное блюдо?
 - Свинина немного жестковатая, – слегка поморщился Хацкевич, – можно было бы сделать ее и посочнее.
 - Ого, сколько уже натикало! Надо идти, – посмотрел на часы Старцев.
- Зал понемногу заполнялся. За правым столиком сидела молодая женщина с ярко накрашенными губами. Движения томные, ленивые. Дама явно скучала. Илья остановил заинтересованный взгляд на ее длинных ногах, и его глаза задорно блеснули. Женщина, почувствовав направленный на нее взгляд, ободряюще улыбнулась. Судя по всему, у Хацкевича были весьма неплохие шансы заполучить желанный трофей.
- Я еще немного посижу, – посмотрев на сцену, где расположились трое музыкантов, сказал он и добавил: – Живую музыку послушаю.
 - Ну-ну, – хмыкнул подполковник и, похлопав Хацкевича по плечу, направился к выходу.
- Майор Михаил Абашидзе был командиром погранзаставы и большую часть службы, практически сразу после окончания училища, провел на границе с Турцией. Сначала это была деревня Вале, а потом его перевели в небольшой населенный пункт Сарпи.
- За последние несколько лет в Грузии многое поменялось, скверно то, что зачастую не в лучшую сторону. Теперь чуть ли не на каждом шагу можно было услышать турецкую речь, а приграничные города и поселки едва не наполовину составляли выходцы из Турции. Кроме базаров, где турки чувствовали себя настоящими хозяевами, они усиленно внедрялись в гостиничный и ресторанный бизнес, скупали недвижимость и обустроивали поселки по своим традициям и обычаям. Небольшой приграничный городок Сарпи не избежал этой участи, так что теперь по утрам его будили не колокольные переливчатые звоны, а громкое песнопение муэдзинов, взобравшихся на высокие минареты и явно торжествовавших

по случаю бескровной победы на грузинской земле. Если так пойдет и дальше, даже в родном Батуми он вскоре будет чувствовать себя чужаком.

Но что самое неприятное, теперь государственной границы вроде бы вовсе не существовало, и вся деятельность личного состава погранзаставы сводилась к тому, чтобы турецким водителям, перевозившим огромные фуры куда-то в глубину Грузии, пожелать «счастливой дороги». На таможне грузовики досматривались лишь поверхностно, будто власти опасались испортить добрососедские отношения с динамично развивающейся мусульманской страной. А при таком «братском» отношении в большегрузах, кроме мешков с урюком, можно было провезти даже межконтинентальную ракету.

Правительство, озабоченное личными проблемами, позабыло про собственных граждан, а потому о семейном благополучии следовало позаботиться самому. С некоторых пор майор Абашидзе стал посматривать на границу как на стабильный источник дохода. Причем граница кормила не только его, но также вышестоящее начальство, требующее от него ежемесячных податей. Одно было грустно: подозревая майора в неравном распределении средств, начальство требовало от него все больше, и, чтобы выдержать гнетущее финансовое бремя, майор Абашидзе расширял круг новых «знакомых», коим за разумную плату позволял пересекать границу. Он даже подсказывал, в каком именно месте лучше переходить, чтобы не натолкнуться на дозор или «секреты».

До пенсии оставалось не так уж много, о чем он думал с невероятной грустью, и за оставшийся срок Абашидзе рассчитывал немного скопить денег, чтобы можно было спокойнее коротать старость. Того немногочисленного, что удалось собрать, едва хватало на самое необходимое, не говоря уже о семейных потребностях. Требовалось нечто кардинальное, чтобы улучшить свое положение, вот только шанса для этого не представлялось...

Три дня назад в калитку его небольшого, но уютного дома в Хелвачаури, где семейство Абашидзе проживало без малого сто пятьдесят лет, постучался сухощавый старичок. Ничем не примечательный, встретишь такого на улице и даже не обернешься – совершенно бесцветная внешность, под стать его костюму, неброскому, сероватому, будто бы пыль, выцветшая на солнце. Его можно было бы принять за бывшего сельского учителя, который, будучи уже на пенсии, продолжал носить привычную «униформу» с затертыми локтями, в которой его помнило не одно поколение учеников. Впрочем, его можно было принять и за почтальона, тем более что в руках старик держал небольшую сумку, в которой вполне могла находиться какая-то значимая корреспонденция.

Нежданных визитеров Абашидзе не любил и относился к ним с предубеждением.

– Вы почтальон? – спросил он, стараясь скрыть проявившуюся неприязнь.

– Совсем нет, Михаил, – ответил старик, разлепив белесые губы в доброй улыбке. – Меня попросил передать вам небольшую посылку Герасим Мачабели. Вы знаете такого?

Абашидзе невольно сглотнул, кровь горячим потоком хлынула к лицу, а сердце востроженно заколотилось. Он невольно посмотрел по сторонам – не наблюдает ли кто-то за их неожиданной встречей, но улица оставалась пустынной, а порывы ветра, будто бы сердясь, трепали кроны лавровых деревьев.

Герасима майор Абашидзе знал немногим более пяти лет, с того самого времени, когда впервые распахнул «калитку» на своем участке границы. Собственно, Герасим Мачабели и являлся его первым клиентом. А вскоре их отношения доросли до постоянного и надежного партнерства. Все это время Герасим лично расплачивался с ним за услуги, выбирая для этого малолюдные места. В этот раз пошло несколько иначе, и Абашидзе это не понравилось. Михаил всмотрелся в старика повнимательнее: гость скорее походил на сельского добряка, к которому тянутся даже самые недоверчивые дети, чем на профессионального провокатора. Но следовало проявить осторожность.

– Вы меня с кем-то спутали, уважаемый, – как можно спокойнее отозвался он. – Я не знаю никакого Мачабели.

Старик продолжал добродушно улыбаться, слегка щурясь на солнце.

– Вы можете меня не опасаться, я многое о вас знаю, с того самого времени, как вы помогли Герасиму перенести через границу пятьдесят золотых монет эпохи Александра Македонского. Немного позже вы стали сотрудничать с Петром Груздем, с тем самым, что вывез в Турцию коллекцию скифского золота. Дальше был Степан Лектор. Он переправил в Стамбул несколько картин русских авангардистов. Но все это неважно... Груз вас никогда не интересовал, не должен интересовать и сейчас.

– Что вам от меня нужно? – слегка осипшим голосом спросил Абашидзе.

– Самую малость – чтобы вы взяли эту сумку. Не пугайтесь, здесь не бомба. В ней обещанные Герасимом Мачабели деньги, а еще небольшой подарок. Пусть это будет сюрпризом, посмотрите его позже.

– И это все? Мне бы хотелось пояснений, – сказал Михаил, опасливо беря сумку.

– Все эти люди работают на меня. Я, так сказать, их босс. Давно хотел с вами познакомиться, но все как-то не складывалось. И очень рад, что такой случай представился. Вы выглядите именно так, как мне вас описывали. В нашем деле важно быть недоверчивым, и это меня вполне устраивает... Так чего мы стоим? Может, пройдем в дом, а то нас разглядывают из окон?

– Проходите. – Абашидзе распахнул калитку пошире, а сам слегка отошел в сторону, понимая, что подобный визит может сулить только сложности.

– В дом заходить не будем, – предложил старик, скинув часть груза с плеч Абашидзе, – давайте пройдем в беседку, в ней будет поуютнее. – И уверенно зашагал в просторную беседку, увитую густым диким виноградом. Сев на лавочку, заметил: – Хорошо у вас здесь. Чисто, аккуратно. Я бы даже сказал, что имеется достаток. – И уже строже добавил: – Дальше будет все так же хорошо, если вы выполните одну мою небольшую просьбу. Вы встречались с Мамукой Иоселиани три недели назад?

– Да, – после некоторой паузы ответил майор. О его контактах с Иоселиани никто не знал. До сегодняшнего дня он вообще считал, что Мамука в этом деле главный. Оказывается, ошибался...

– Следующий груз для меня будет особенно важен. Его повезут на лошадях в четырех больших баулах. – Абашидзе понимающе кивнул, собственно, так оно было и раньше – баулы вьючили на широкие спины лошадей, которых опытные погонщики сложными горными тропами погоняли в глубину турецкой территории. – За каждый баул, кроме обговоренной суммы, я заплачу вам еще по пять тысяч долларов. Кажется, вы давно мечтаете съездить на Бали? Думаю, этих денег будет вполне достаточно, чтобы провести сказочный отпуск.

Майор невольно сглотнул, не зная, что делать в этом случае: то ли поблагодарить благодетеля, то ли глубокомысленно промолчать. Выбрал он второе.

– У меня к вам будет еще одна небольшая просьба... – продолжал старик. – Если вы заметите что-то подозрительное, немедленно дайте мне знать. – Вытащив из накладного кармана небольшой кусочек картона с напечатанным на нем номером, он протянул его майору: – Это мой прямой телефон.

– Хорошо, – кивнул Абашидзе, осознавая, что в его криминальной карьере произошли серьезные изменения. Возможно, именно сегодня он поднялся на такую высоту, с которой его нынешнее положение может показаться ему просто смешным. Во всяком случае, на военной службе ему никогда не заслужить тяжелых погон. Если не на следующий год, то через пару лет его просто выпихнут на пенсию, как отработанный материал, а пенсионных денег не хватит на тот уровень жизни, к которому он привык за последние годы. Этот невзрачный старик в действительности и есть его настоящая карьера, его безбедное будущее, его босс,

которому он должен ежеминутно доказывать свою преданность. А сам он может быть полезен, как никто другой: на границе остаются наработанные связи, прежние сослуживцы, которые за небольшое вознаграждение не сумеют отказать ему в крохотной просьбе – закрыть глаза, когда это будет необходимо.

– Вот и славно, – вновь улыбнулся старик. Он одобрительно потрепал майора по щеке и зашагал к калитке. – Да, вот еще что: можете обращаться ко мне «мистер Уайт». Или просто Уайт... Я не из обидчивых. – Оставив обескураженного Абашидзе стоять в центре пустынного двора, он вышел на улицу.

Неожиданно откуда-то подъехал большой белый внедорожник, из которого выскочил крупный мужчина и, распахнув перед стариком дверцу, помог взобраться в салон. Затем, так же расторопно, сопровождающий устроился на заднем сиденье, и автомобиль, пыхнув тяжелой гарью, скрылся за близлежащим поворотом.

Не успел Хабаков зайти в свой кабинет, как прозвенел звонок.

– Слушаю.

– Арсений, – тотчас узнал он голос Старцева, – только что прилетел из Сочи и сразу делаю звонок тебе. Цени!

– Ценю, товарищ подполковник!

– Можешь сказать своему Феоктистову, что дело скоро закончится и всю его коллекцию мы вернем.

– Хорошая новость, представляю, как он будет рад!

– В ближайшее время вместе с Феоктистовым отправишься в Афины, твой подопечный должен будет опознать там свою коллекцию. Деньги-то после ограбления у него отыщутся? Или мне командировочный лист выписывать?

Арсений Хабаков расслабленно рассмеялся:

– Думаю, что на такое дело деньги он найдет.

– Тогда до скорого!

Хабаков тотчас набрал номер Феоктистова:

– Потап Викторович?

– Он самый, Арсений. Есть что-то новое по поводу коллекции?

– Ваша коллекция обнаружилась в Греции. В ближайшие дни мы с вами вылетаем в Афины. Вы должны будете ее опознать.

– Боже мой! Боже мой! – заголосил от счастья Феоктистов. – Я верил, что все пройдет удачно. Спасибо вам!

– Пока еще рано благодарить. Скажете спасибо, когда она окажется у вас в руках.

Попрощавшись, Арсений положил трубку.

Дверь неожиданно открылась, и в кабинет вошел эксперт-криминалист майор Липеровский.

– Готовы результаты по волоску, – с порога произнес он. – Извини, задержал немного. Дел было невпроворот!

– По какому такому волоску?

– А тому самому, что прилип к бутылке. Ну, помнишь, мы ее нашли в квартире Феоктистова.

– Так, припоминаю. И кому он принадлежит?

– Корсуню Ивану Петровичу, он же Колотый. Рецидивист, трижды судимый. Когда-то у него брали кровь на ДНК, хотели сравнить с кровью на одежде жертвы. Но экспертиза показала, что к тому убийству он отношения не имеет. А результаты сохранились. Вот видишь, пригодились.

Липеровский положил на стол тонкую папку, и Хабаков с интересом открыл ее и увидел несколько фотографий, а также две исписанные страницы с результатами экспертизы.

– Даже не представляешь, какой ты мне подарок сделал... – воскликнул Арсений. – Вот только где искать этого Ивана Корсуня!

– Ну, это уже по твоей части, – развел руками майор.

Что за день сегодня такой, одни положительные эмоции!

Два часа назад Абашидзе был вызван в управление, где начальник отдела сказал, чтобы он не задерживал груз в четырех больших баулах на лошадях, что пройдут через его участок в Турцию. При этом полковник намекнул, что проводится операция совместно с российскими спецслужбами.

– Я тут кое-что пробил по своим каналам. Возможно, в баулах будет коллекция Феоктистова... Его с месяц назад ограбили в Москве. Информация конфиденциальная. Тебе все понятно?

– Так точно, – вытянулся Абашидзе.

Из управления он вышел в полном замешательстве, не зная, как поступить в этой ситуации.

Вернувшись домой, майор попытался проанализировать все плюсы и минусы создавшегося положения. Кому он будет нужен после службы? Пожалуй, что никому... Не идти же торговать на рынок! Старик выглядел предпочтительнее, знакомство с ним сулило перспективы. Во всяком случае, не нужно будет думать о куске хлеба. Чаша весов после некоторой арифметики сложилась в пользу звонка. Пришло четкое осознание того, что он совершает верный поступок и позвонить обязан даже в том случае, если завтра его попрут со службы.

Михаил вышел во двор, выкурил сигарету в той самой беседке, где еще совсем недавно разговаривал со стариком, а потом вернулся в дом и набрал номер. После второго гудка трубка отозвалась глуховатым старческим голосом:

– Слушаю.

– Здравствуйте, Уайт. Это вам звонит Михаил, вы меня помните?

– Конечно же, помню, Михаил. У меня забит номер вашего телефона. Что-нибудь случилось?

– Случилось... Кажется, российские спецслужбы знают о предстоящей переправке груза.

– Вы уверены, что речь идет именно об этой партии? – спокойноотреагировал старик.

– Речь шла о четырех лошадях с баулами. Мой начальник сказал, что это совместная операция с российскими спецслужбами и что в баулах, возможно, будет находиться коллекция ограбленного Феоктистова.

– Что ж, вы меня выручили, – отозвался старик. – У твоей Тамары, кажется, завтра день рождения?

– Да, – удивленно отозвался Абашидзе.

– Жди подарка, надеюсь, что он ей понравится. – И через секунду в трубке раздались короткие гудки.

Абашидзе в задумчивости отключил свой телефон.

Инспекция в Грузию оказалась успешной. Увеличив поощрения, Уайт сумел сохранить прежний костяк, с которым работал последние годы, так что можно было смело рассчитывать на бесперебойность коридора. На обратном пути он заехал в небольшой прибрежный городок Поты, где завязал весьма удачное знакомство с заместителем мэра. Открывалась весьма хорошая перспектива на еще один морской канал.

Первая партия коллекции Феоктистова без особых хлопот миновала несколько границ и добралась к заказчикам в Мюнхен и в Лондон. В действительности это был всего лишь

пробный шар, прощупывающий надежность канала. За ним должна пойти крупная партия контрабанды стоимостью в десятки миллионов долларов, которую уже ждут состоятельные клиенты и несколько европейских аукционных домов, пообещавшие на торгах хорошие деньги.

Приняв душ, Уайт прошел в столовую, где старый слуга, прослуживший в его доме десять лет и к которому он привык, как к утренней чашке кофе, раскладывал на столе посуду. В небольшом серебряном кувшинчике поставил охлажденные сливки, в хрустальной вазочке – сладкое печенье. Именно такого рациона уже долгие годы он придерживался на завтрак.

– Ваш кофе готов, – объявил слуга.

– Прекрасно.

Прозвеневший звонок оторвал Уайта от чашки с кофе. Посмотрев на номер, он нажал на кнопку приема и проговорил:

– Слушаю.

– Здравствуйте, Уайт. Это вам звонит Михаил, вы меня помните?..

Слуга, опасаясь стать свидетелем разговора, незамедлительно вышел.

Завершив разговор, Уайт отключил телефон. Все-таки кофе стоит того, чтобы допить его до конца. Маленькими глотками он выпил его до последней капли, заев кусочком печенья, и, пройдя в кабинет, поднял трубку:

– Нестор, слушай меня внимательно, операцию мы сворачиваем.

– Что-то серьезное?

– Да. Только что позвонил мой человек с грузинской границы, все проходы через нее контролируются контрразведкой. Насколько я понял, это совместная операция с российскими спецслужбами. Думаю, они хотят узнать все наши каналы, выявить связников, определить места складирования товара.

– Жаль, мои люди уже готовы принять товар, а заказчики дни считают, когда будут владеть картинами.

– Объясни им, что сделка остается в силе, просто возникли некоторые технические сложности. Нужно немного переждать, а мы, со своей стороны, поищем новые пути. Например, через Поты... У меня там есть кое-кто. Ты же должен ликвидировать фирму и на время уехать из Греции.

– На какой примерно срок?

– Пока все не успокоится. А будет еще лучше, если ты поменяешь свою внешность и паспорт.

– Нужели все так серьезно?

– Да. За тебя активно взялись в Интерполе.

– Понял.

– До связи.

Арсений Хабаков сидел в своем кабинете и размышлял о предстоящей операции. Остатки коллекции, спрятанные где-то на территории России, должны будут пойти двумя путями – морем, через Сухуми и Батуми, и сухим путем, через грузино-турецкую границу близ деревни Вале. Как только они окажутся на яхте Нестора Олкимоса, в дело тотчас вступят греческая полиция и Интерпол. Нестора Олкимоса возьмут с личным.

Дело за малым – остается съездить в Афины, опознать арестованную коллекцию и, соблюдая юридические тонкости, переправить в Россию.

Прозвенел звонок по внутренней связи, и он, взяв трубку, произнес бодрым голосом:

– Слушаю.

– Вот что, Арсений Юрьевич, зайди ко мне.

– Слушаюсь, товарищ подполковник.

Хабаков положил трубку. Что бы это могло значить? Не всякий раз начальник называл его по имени и отчеству. Точнее, он мог припомнить всего лишь два таких случая, один раз – когда ему вручали поощрительную грамоту министерства.

Что же будет сейчас?

– Разрешите? – постучался Арсений в слегка приоткрытую дверь кабинета Приходько.

– Проходи. Вот сюда садись. – По голосу полковника всегда трудно было угадать о его намерениях. Он был из особой породы людей, умеющих скрывать свое подлинное настроение в самых непростых ситуациях. Лицо его выглядело всегда беспристрастным. – У меня плохая новость, – уныло заговорил он. – Хотя, честно говоря, даже для меня она прозвучала ошеломляюще... Нестор Олкimos ликвидировал свою фирму и отбыл в неизвестном направлении.

– Не может быть! – невольно ахнул Хабаков.

– Все может быть, – глубоко вздохнул полковник. – Его кто-то предупредил. И где сейчас находится коллекция Феоктистова, неизвестно. Может, она по-прежнему припрятана в России, а может быть, благополучно добралась до Греции каким-то иным путем, о котором мы не ведаем.

– Это известие убьет Феоктистова. Мы рассчитывали вылететь в Афины в ближайшие дни.

– Я знаю... Теперь уже ничего не поделаешь. Вмешался международный контрабандный синдикат. Он разрушил не только все наши планы, но каким-то образом сумел повлиять на греческую полицию, чтобы она помогла ему скрыться. Нам осталось единственное – дожидаться подходящего случая. Дело по коллекции Феоктистова нужно будет приостановить.

– В столичной полиции работает инспектор Таукис Дестунис, с которым я все это время поддерживал контакт, может, он...

– Ты ему больше не звони, – отмахнулся полковник, – уже не работает... Его уволили со службы. Видно, он оказался очень несговорчивым, а таких там тоже не любят.

Арсений вышел из кабинета в полнейшей растерянности.

Некоторое время он размышлял, стоит ли сообщать Феоктистову решение Следственного управления в отношении пропавшей коллекции, а потом пришел к выводу, что тот должен знать правду.

Ожидая, что разговор будет нелегким, Хабаков поднял телефонную трубку.

– Потап Викторович?

– Это вы, Арсений? – прозвучал в ответ встревоженный голос.

– Он самый. У меня для вас печальное сообщение...

– Так, слушаю.

– Мы с вами не вылетаем в Грецию.

– Это почему же?

– Нестор Олкimos выехал из страны, и где он находится в настоящее время, неизвестно.

– Надо полагать, что он уехал не с пустыми руками, а прихватил с собой всю мою коллекцию?

– Не исключено, что так и есть. Но это еще не все... В настоящее время руководство приняло решение приостановить дело. – Повисла долгая пауза, сопровождавшаяся глубоким дыханием Феоктистова, и у Арсения вдруг пропало желание продолжать разговор, следовало только подобрать утешительную фразу, чтобы откланяться. – Все может измениться, вы только не расстраивайтесь. Если возникнут какие-то...

Договорить он не успел: телефонные мембраны зачастили прерывистыми гудками. Некоторое время Хабаков держал в ладони телефонную трубку, а потом аккуратно положил ее на рычаг, и тот суховато щелкнул.

Глава 3

Мне бы ваш оптимизм, или Большие неприятности

Неделей позже Следственное управление официально направило в министерство внутренних дел Греции прошение о помощи в розыске Николая Геладзе (он же Нестор Олкимос), подозреваемого на территории России в организации преступных группировок и ряде ограблений. Но ответ о его местонахождении сводился лишь к короткой и емкой записи:

«В настоящее время Нестор Олкимос на территории Греции не проживает».

Нестор Олкимос испарился всего лишь за пару дней до приезда следственной группы (и это не могло быть случайностью). Предполагалось взять Нестора с поличным в тот самый момент, когда на его яхту будет сгружаться оставшаяся часть украденной коллекции. Полиции оставалось только подъехать на катерах и арестовать преступников.

Не случилось...

Оставалось надеяться, что розыск будет продолжен по линии ФСБ, но уже через три дня у Хабакова со Старцевым состоялся неприятный телефонный разговор:

– Послушай, Арсений, – проговорил подполковник хмурым голосом, – дело Феоктистова решено пока отложить.

– Вот как... Неожиданно. Ведь его можно было бы дожать!

– Я сам не меньше тебя расстроен. Но на сегодня дела обстоят именно таким образом.

– Трудно поверить, чтобы на ФСБ мог кто-то надавить. Может, тут дело в чем-то другом? Поделитесь, успокойте меня.

– Могу сказать тебе так: Нестор Олкимос исчез, а вместе с ним пропали и все нити, что могли бы привести следствие к исчезнувшей коллекции.

– Но ведь Олкимос не единственный, с кем можно работать. Нам бы только выехать на территорию Греции, а там...

– Послушай, Арсений, – сухо прервал его Старцев, – я вообще не должен был тебе ничего говорить, но решил ввести в курс дела только потому, что мы вместе работали над ним. А официальное уведомление ваше управление получит завтра. Если будут какие-то изменения, дам знать! – И в трубку послышались короткие гудки.

По масштабу похищенного это было крупнейшее расследование, в котором Арсений Хабаков принимал участие. По-своему, дело было уникальным, как неординарен был и человек, собравший столь впечатляющую коллекцию.

Потап Феоктистов был человеком удивительной судьбы. Выйдя на свободу после солидного тюремного срока, он сумел в кратчайшие сроки сделаться влиятельнейшим коллекционером. Собиратели – народ консервативный, во многом недоверчивый, принимают в свою среду далеко не всякого. На биографию тут не смотрят, да и протекция не поможет, важен сам человек, его сущность. В нем должны увидеть личность, преданную делу.

Феоктистов был из тех людей, что живут по максимуму, не размениваясь на мелочах. Если уж попадают в тюрьму, так за тяжкие преступления, если собирают картины, так непременно уровня Рубенса и Тициана, иконы – Андрея Рублева и Даниила Черного, а если говорить о ювелирных изделиях, так лишь только те, что некогда украшали венценосных особ.

Ориентировочная стоимость коллекции Потапа Викторовича составляла около ста миллионов долларов. Причем это была не окончательная цена, в действительности она стояла значительно больше. Так что Феоктистов был интересен не только коллекционерам, спешащим завести с ним дружбу, но и уголовным элементам, пристально наблюдающим за этим сообществом.

Оставалось последнее: собрать все материалы на Нестора Олкимоса, бывшего гражданина Грузии Николая Геладзе, и отправить их в Лион, в штаб-квартиру Интерпола. А уж они пускай объявят его в международный розыск.

Нестор Олкимос подошел к зеркалу и некоторое время рассматривал свое смугловатое, заросшее черной бородой лицо, пытаясь отыскать в нем какие-то перемены. Но нет, переживания последних недель на нем совсем не отразились, разве что на лбу углубилась продольная морщина, сделавшая его чуток постарше. Но к этим переменам нужно относиться философски, они могут случиться от чего угодно, а так все по-прежнему. А то, что на самом деле творится в его душе, других не должно касаться.

Ему нравилось свое лицо: молодое, крепкое, с правильными чертами. Особым предметом гордости была его борода, придававшая ему академический вид, за которой он тщательно ухаживал. В таком облики он походил на потомственного аристократа, хотя единственным интеллигентом в их семье считалась его бабка, тридцать лет проработавшая нянечкой в городской больнице.

Все мужчины в его роду имели точно такую же представительную внешность, славились благородными манерами и обворожительными речами. Никто из них никогда не работал. Единственное, что они умели делать, так это прекрасно орудовать отмычками, а еще заниматься контрабандой. Можно сказать, что контрабанда – это их фамильное ремесло. А как могло быть иначе, если несколько поколений Геладзе проживали подле самой границы! Но никто из его рода не сумел достичь тех высот, до которых удалось дотянуться ему. И чем выше поднимался Николай Геладзе, тем больше у него становилось завистников и недоброжелателей.

К неприятелям следовало относиться с долей иронии – ведь большое дерево видно издалека, что подделаешь, если он столь заметен.

В этот раз ситуация складывалась иначе: теперь его фотография имелась едва ли не в каждом полицейском участке Греции, а ориентировки на него были отправлены во все европейские страны. Наверняка все агенты сбились с ног, разыскивая его. Но никому из них было невдомек, что из Греции он никуда не уезжал, просто перебрался на красивый курортный остров Лесбос, где проживал на небольшой вилле, окна которой выходили на море.

Правда, прогуливаясь по берегу, он пару раз ловил на себе заинтересованные взгляды прохожих (и не только женщин). Среди них вполне мог быть полицейский, всматривающийся в знакомое лицо, тому достаточно порыться в ориентировке, чтобы установить имя подозрительного встречного.

Взяв ножницы, Олкимос примерился к курчавой ухоженной бородке и принялся аккуратно ее подравнять. В мусорную корзину полетели скрученные ошметки. Затем, намылив подбородок, он побрил его до сверкающей белизны, подумав, сбрил и усы. Пожалуй, так будет вернее.

Теперь из зеркала на него смотрело помолодевшее лицо, от которого он успел отвыкнуть. Так тоже ничего. На правой щеке проступил старый кривой шрам, незаметный под волосами, полученный в молодости в одной из драк. Впрочем, шрам не портил его природной привлекательности, скорее добавил его облику должной мужественности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.